

[Оглавление](#)

Лидия Волконская Прощай, Россия! (Моя жизнь) Глава 12. Прощай Россия!

К чему же привела человечество, так называемая его цивилизация, культура? К развитию техники, к усовершенствованию способов взаимного уничтожения, к научному исследованию, в этих целях, стратосферы?

Если счастье одних построено на несчастье других и, если закон природы такой, что одно существо, чтобы жить пожирает другое, - то, не в том ли должен заключаться прогресс человеческого познания, чтобы победить этот жестокий закон и создать жизнь на земле на иных противоположных началах?

Вместе с отступающими немцами, на Запад хлынула из Европы новая волна эмиграции. Когда разнеслась весть, что Красная армия после некоторой задержки на восточном фронте, перешла опять в наступление и продолжает занимать Польшу, нами овладела паника. Хотя никакой эвакуации в нашем районе еще не начиналось, мы решили, что пришел последний срок для нашего отъезда, что ждать дальше опасно, так как в последнюю минуту, нас, как русских, могут почему-либо не пропустить. Сидя отрезанными в деревне, мы не знали, что немцы часто предоставляли эмигрантам целые поезда для эвакуации на запад.

Таким поездом уехала из Варшавы Леля с семьей, и таким же поездом уехали Шрамченки, к тому времени уже жившие не в Ченстохове.

Герр Циммерманн, понимая наше паническое настроение, соглашался освободить мужа от его обязанностей. С его помощью и с большими трудностями, нам удалось получить у местных немецких властей пропуски: для меня с детьми бессрочный, а для Валентина Михайловича только временный. Выдан он ему был на основании отпуска, официально полученного на один месяц для сопровождения и устройства семьи в Австрии или Германии. Валентину Михайловичу, как служащему, другого пропуска дать не могли. По тогдашним немецким распоряжениям, никому пропуска до начала эвакуации не выдавалось.

По совету одного из чиновников мы обратились к военным, с просьбой помочь нам в переезде на запад.

Принявший нас офицер оказался очень порядочным человеком, и что сразу было видно, аристократом. Еще сравнительно молодой, интересный, высокого роста, он держал себя просто, но с достоинством. Выслушав мужа, он сказал:

- Мы отдаем себе полный отчет во всей тяжести вашего положения и помогаем всем русским и здесь и в Советском Союзе, которые хотят уйти с нами на запад. К сожалению, это не всегда возможно. Вы куда хотели бы ехать? Есть ли у вас, кто-либо в Германии или Австрии?

Ни в Германии, ни в Австрии у нас, конечно, никого не было, о чем мы ему и сообщили. Единственным местом, наиболее для нас желательным, был Тироль.

Причиной этому было то, что герр Циммерманн обещал дать Валентину Михайловичу письмо к его семье, жившей под Иннсбруком, с просьбой помочь нам и, если можно, уступить одну комнату. Кроме того, всем тогда уже было ясно, что война немцами проиграна. Поэтому, мы хотели, по возможности, ближе пробраться к западному фронту с тем, чтобы при ожидаемом наступлении союзнических армий, оказаться в зоне их оккупации. Только там, казалось нам, было теперь спасение от большевиков. Имея это в виду, мы просили офицера переправить нас в Тироль.

- Это прифронтовая полоса, - сказал он, - к сожалению, у нас нет возможности туда вас перевести. Не можете ли вы выбрать какое-либо другое место. Ведь, вам все места, как я вижу, одинаково незнакомы. Должен только предупредить, что в Германии в настоящий момент положение очень тяжелое: бомбардируются почти все большие города. Многие разрушены до основания. Тяжело и с питанием. В Австрии легче. Вот карта. Посмотрим, куда бы лучше всего вам выехать, - закончил он и разложил на столе карту Германии и Австрии.

В глазах зарябили чужие, ничего не говорящие, названия.

- Вена, - тихо произнес муж, наверное, только потому, что в глаза бросилось знакомое название.

- Вот хорошо, там пока спокойнее, - подхватил, обрадовано офицер.

- А может лучше куда-либо в деревню, - сказала я, представив себе нас в густом скоплении людей, в чужом городе, под бомбами. "В деревне хоть в лес можно спрятаться, под дубом шатер поставить и переждать это опасное время", думала я, всегда склонная чувствовать более верную почву под ногами в деревне.

- Может не в самую Вену, а где-нибудь по близости, - нерешительно проговорил Валентин Михайлович.

- Это вполне возможно. Так вот посмотрим: раз... два... кажется, две станции не доезжая Вены. Это будет Гензендорф, - с трудом разобрал на карте маленькую надпись офицер, - ну так как, решено?

Хотя и стесняясь долго его задерживать, мы все еще колебались.

- Извините, одну минутку, - сказал он и вышел из комнаты. Он скоро вернулся и сообщил:

- На следующей неделе в том направлении будет отправлен поезд со всякого рода испорченными машинами. Этим поездом вы могли бы приехать в самый Гензендорф, без пересадок и бесплатно. Кроме того, могли бы взять с собою любое количество багажа и провизии, что очень бы не помешало, - закончил он.

Предложение его показалось нам соблазнительным и облегчающим многие наши трудности. Не задумываясь больше, мы решились и поблагодарили нашего доброжелателя. При прощании, он, протягивая нам руку, пожелал счастливого пути. На его породистом лице я прочла искреннее участие. Выгравированный на камне его кольца герб мне было трудно разглядеть. Валентин Михайлович потом жалел, что мы никогда не узнали фамилии этого офицера.

